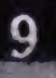

3

Б. Володин

Четыре часа работы

Художник Н. Мишуров

Производство студии „Диафильм“, 1962 г.

Эти события произошли в большом заводском городе на берегу Азовского моря. Всё рассказано так, как было, только героев истории зовут по-другому.

Володя Ткаченко, низенький, курносый, веснушчатый паренёк, работал подручным сталевара на мартеновской печи.

Гигантская печь приподнималась на станинах, наклонялась, и из открытой заслонки в огромный ковш лилась кипящая сталь. Сталь была золотистая, огненная, и, казалось, будто из печи льётся солнце.

Завод стоял на самом берегу моря. Пароходы подходили прямо к заводу. Володя любил смотреть, как грузят на них рельсы и стальные болванки. Пароходы увозили сталь в другие города и даже в дальние страны.

6

Однажды мартеновскую печь, на которой работал Володя, стали ремонтировать.

Ремонтировали и огромную трубу печи. Верхолазы-трубоклады вынули из неё кирпичи огнеупорной кладки, и теперь это был просто огромный металлический кожух.

Володя Ткаченко помогал трубокладам. Трубокладов было трое: усатый Степан Данилыч, Фёдор, бледный парень с золотым зубом, и рыжий Валерий.

– „Ты, Володька, парень ловкий! – говорил Степан Данилыч. – Шёл бы к нам... С нами большие деньги заработаешь“.

Однажды утром в заводском порту Володя увидел, что на мачте подняты знаки: два чёрных конуса и чёрный прямоугольник. Знаки предупреждали: „Шторм с норд-оста!“

Володя бросился к своему цеху. Жизнь вокруг цеха замерла. Застыли паровозы. Не подъезжали автомашины. Все смотрели куда-то вверх.

Володя тоже поднял лицо и ахнул... Ветер шатал трубу его мартеновской печи. Казалось, стальная махина вот-вот обрушится вниз.

Начальнику цеха принесли телефонограмму. В ней сообщалось, что через четыре часа шторм усилится.

–Нужно трубу укрепить, – сказал начальник цеха, – иначе она упадёт и разрушит цех. Но кто это сделает?

Он подозвал верхолазов. Степан Данилыч сказал с ухмылочкой: „При такой качке работать не полагается. Да ведь своих-то верхолазов у вас нет..."

– Восемь тысяч, товарищ начальник. Никак меньше нельзя за эту работу! – Пётр Никитич только потёр висок.

–Бросьте вы с ним разговаривать, Пётр Никитич! – разозлился Ткаченко. – Мы своих ребят сыщем. Нам хапуг не надо!

Работать вместе с Ткаченко вызвались трое монтажников: Парфёнов – лучший футболист завода, пожилой Хлебников и длинный Гарбуз.

Небо над головой ходило ходуном. Качка прижимала к ограждению то левым, то правым боком. На сто метров пути ушло пятнадцать минут.

Ещё четверть часа понадобилось, чтобы привыкнуть к болтанке. Площадка уходила из-под ног. Всё плясало перед глазами. Шёл только первый час работы.

– „Чего ж начальник сюда не полез?" – спросил Гарбуз. – „Нельзя ему теперь, сердце больное. – Хлебников задумался... – А в сорок втором мы с ним под первое мая не на такую трубу взбирались!.."

– Та труба была каменная, без обшивки. Вместо лестницы – скобы. Да ещё фашисты кругом. Закрепили мы на трубе красный флаг, а когда спускались, две скобы выломали и воткнули на место.

– Утром фашистский солдат полез, чтобы флаг сорвать, да с самого верха и грохнулся. Гитлеровцы беснуются. А весь город видит флаг над трубой: „С праздником, товарищи! Скоро наши придут!“

– Ну, хватит разговаривать. – Хлебников поднялся. – Пора за дело.

Нелегко работать, когда площадка ходит под ногами: три метра на юго-запад, три – обратно, на северо-восток. И тебя то бьёт грудью о борт площадки, то отбрасывает к трубе.

Вот уже спустили вниз верёвку, подняли канат лебёдки. Затем подняли первый трос. Ветер дул сильнее и сильнее. Шёл второй час работы.

Подгонял ветер. Подгоняли уходящие минуты. А дело двигалось очень медленно. Володя крикнул вниз: „Нужно поднять два троса сразу! Два сразу поднимайте!“ – Его не слышали.

Тогда он сам спустился вниз. Сам прикрепил тросы к канату лебёдки. На это ушло ещё полчаса.

28

Снова взобрался наверх. Махнул рукой: „Вира! Поднимайте!“

Тросы подняли и закрепили. – „Что-то не так получилось, – сказал Парфёнов, присматриваясь. – Володька! Спутались тросы! Нужна была твоя спешка! Третий час идёт!"

30

– Ладно. Сам накрутил, сам распутаю. – Ткаченко снова полез вниз.

Добравшись до места, где тяжёлые стальные змеи обвились одна вокруг другой, Володя ужом пролез сквозь ограждение лестницы, зацепил за него цепь предохранительного пояса...

32

...и, встав на узкий бортик стальной обшивки трубы, попытался достать до тросов. Рука, сжимавшая прут ограждения, стала неметь. А выпустить прут нельзя ни на секунду: под тобой восемьдесят метров пустоты.

Люди наблюдали за фигуркой, прилепившейся к стальной махине. – „Убьётся, шальной!" – сказал Степан Данилыч и задымил своей трубкой.

– Куда ты, Валерий?! – крикнул Фёдор. – Они тебя не звали! Они... От нас откалываешься, гад?! – Но рыжий Валерий, не слушая его, быстро взбирался вверх.

В этот момент резкий порыв ветра качнул трубу. Сорвал с Володи шарф. Володя глянул вниз и выпустил из рук прут ограждения...

Подоспевший Валерий ухватил его за одежду и помог выбраться на лестницу.

Весь третий час вытягивали на стометровую высоту тяжёлый стальной трос. Трос рвался из ладоней, раздирал проволочными заусеницами рукавицы. Но люди продолжали работать.

Пошёл четвёртый час работы. Подняли и закрепили последний трос.

Когда спустились вниз, даже на земле качало.

Намертво закрепили стальные растяжки. Тросы напряглись, зазвенели, и огромная труба замерла.

41

–„Что, откололся от нас? – зло спросил Валерия Степан Данилыч. – Ладно, мы в свою бригаду другого найдём!“ – „Проживу и без вас. С ними. С людьми-то лучше“.

И Валерий пошёл вместе с Ткаченко и его товарищами.

Шторм разыгрался не на шутку. Но на заводе снова шла обычная жизнь. И люди работали теперь спокойно, никакой опасности больше не было.

Конец

Редактор В. Кузнецова
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм"
Москва, Центр,
Старосадский пер., д. № 7

Д-119-62